

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

РОДИТЕЛЬСКАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ПРОБЛЕМНУЮ СЕМЬЮ С ДЕТЬМИ

Роман Николаевич Абрамов^{1,2} (rabramov@hse.ru)

Елена Юрьевна Рождественская^{1,2} (erozhdestvenskaya@hse.ru)

Алексей Александрович Сабля¹ (aasablya@hse.ru)

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

² Институт социологии РАН (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

Цитирование: Абрамов Р.Н., Рождественская Е.Ю., Сабля А.А. (2025) Родительская оценка эффективности социальной интервенции в проблемную семью с детьми. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 182–210.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.7> EDN: EVWVKA

Аннотация. Статья посвящена анализу реализации одной из процедур оценивания социальной интервенции — обратной связи объектов социальной интервенции (взрослых членов семей) как элементу доказательной социальной политики. В ходе комплексного оценивания эффективности технологии работы междисциплинарной команды специалистов со случаем нарушения прав и законных интересов ребенка были проведены интервью с членами семей, включенных в программу реализации технологии. Полученные результаты позволяют говорить о прогрессе и ресоциализации семей, осознании проблем и включении членов семьи в процесс работы над социальной нормализацией. При этом получен срез с менее оптимистической картиной оценки интервенции в сравнении с мнением экспертов. Члены семей признавали, что прогресс есть, рассматривали его как надежду на лучшее будущее, нежели уверенность в том, что имеющиеся проблемы будут преодолены. Исследование также фиксирует определенный прогресс в семьях. Решаются задачи уменьшения случаев жестокого обращения с ребенком с помощью технологии, что в немалой степени связано с продвинутой квалификацией специалистов, овладевших технологией и сменивших угол зрения на работу со случаями. Понимающий, партнерский, эмпатический подход кураторов к членам семьи вместе с составляющими технологии настраивают клиентов на оптимистические ожидания, мотивируют их изменить свое отношение к жизни, разрывая замкнутый круг зависимостей, бедности, семейного насилия. Однако исследование выявило и пределы применения технологии, связанные с низкой исходной ресурсностью семей, наличиемотягчающих проблем в виде алкогольной и наркотической зависимостей и др. Кроме того, в ходе работы с кураторами и другими специалистами семейных центров члены семьи обретают новую квази-профессионализацию, овладевая языком психологии и социальной работы в ходе

общения со специалистами. Также у членов семьи возникает ситуация зависимости и иждивенчества, ожидания бесконечной заботы и помощи. Статья является вкладом в методологическую перспективу доказательной социальной политики.

Ключевые слова: родительство, социальная политика, оценивание, социальная работа, семья.

Введение

Социальная политика охватывает самые социологически чувствительные сферы, поскольку связана с темами социального и культурного неравенства, инклюзии и эксклюзии, справедливости, способов распределения общественного богатства, социальной заботы и т.п. В ответ на широкую социально-политическую интервенцию развивается дискурс запроса на доказательность предпринимаемых мер социальной политики. Поэтому перспективы доказательной социальной политики привлекают все больше внимания в современной литературе. Об этом идет речь в первой части статьи, где представлен обзор литературы, в которой обсуждаются изменения подходов к разработке и реализации программ социальной политики в различных странах. Возросший интерес к этим перспективам объясняется быстрым развитием цифровых технологий, особенно в области обработки больших объемов данных, а также растущей потребностью правительств и некоммерческих организаций в прозрачной и сопоставимой информации для принятия обоснованных решений. Реализация программ социальной политики ставит вопрос об их экспертизе и эффекте, который измеряется в социальных последствиях для объектов воздействия этих программ и для всего общества. Оценка последствий возможна с использованием аппарата социологических методов. В свою очередь, аналитическая рефлексия может быть осуществлена посредством применения теоретического объяснительного потенциала социологии. Подход, основанный на доказательной базе, становится не только важным аспектом управления социальной политикой, но и определяет эпистемические и практические основы профессиональной экспертизы различных групп специалистов, занятых в этой области.

Наша статья является примером практического воплощения программ оценивания технологии доказательной социальной политики на основе социологической аналитики. Ранее было проведено 24 интервью с кураторами и супервизорами шести Центров социальной помощи семье и детям различных районов Москвы¹, отдельно — 12 интервью психологов

¹ Эта часть исследования опубликована ранее (см.: Ярская-Смирнова, Рождественская, Абрамов и др. 2023).

с семьями-благополучателями, где информантами выступали женщины (жены и матери). Эта база стала основой статьи. Все интервью записывались на диктофон, транскрибировались, после чего были подвергнуты тематическому анализу, что позволило выделить компактные смысловые категории и темы (Braun, Clarke 2006; Fereday, Muir-Cochrane 2006). Важным этическим моментом полевого этапа исследования стала работа по сохранению строгой конфиденциальности участников исследования в силу сенситивности обсуждаемых тем, поэтому мы не указываем даже таких реквизитов участников исследования, как возраст.

Технология «Организация работы междисциплинарной команды специалистов со случаем нарушения прав и законных интересов ребенка» («работа со случаем») была разработана и внедрена с целью помочь семьям справиться с трудными жизненными ситуациями и минимизировать риск возникновения или повторения случаев жестокого обращения с детьми в семье и социального сиротства (Пензова, Газарян, Борзов 2020). Основная цель технологии — выявить и минимизировать риски возникновения или повторения случаев жестокого обращения с ребенком в его семье.

Технология «работа со случаем» организована как последовательный процесс, включающий несколько этапов: сбор информации, оценка риска жестокого обращения с ребенком в семье, признание ребенка в качестве нуждающегося в государственной защите, открытие дела о нарушении прав, разработка и утверждение плана реабилитации семьи и/или ребенка, выполнение плана реабилитации семьи/ребенка, контроль, закрытие дела.

Все мероприятия в рамках открытого случая осуществляются на основе разработанного куратором плана реабилитации. Куратор — специалист по работе с семьей и детьми, прошедший специальное обучение. Он проводит глубокий анализ семейной ситуации, используя стандартный набор инструментов: генограмма, экокарта, оценка семейной ситуации, оценка психосоциальных факторов. Эти четыре обязательные инструмента позволяют собрать существенную информацию о жизненных обстоятельствах конкретной семьи: истории жизни ее членов, особенностях социального окружения и его воздействии на семью, функционировании семьи как системы, — а также личностных особенностях родителей, которые могут негативно сказываться на благополучие детей в данной семье.

В нашем исследовании мы обратились к теории, касающейся вызовов и потенциала использования доказательной основы для социальной политики, а также воспользовались накопленными эмпирическими данными о работе социальных работников в России, чтобы аналитически оценить их профессиональное развитие под влиянием применения указанной выше технологии «работы со случаем».

Мы провели качественное исследование восприятия инновационной технологии работы с семьями, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, с позиции самих объектов социальной интервенции — членов семьи. Эта часть проекта стала недостающим пазлом в комплексной оценке инновационной технологии работы специалистов со случаями нарушения прав и законных интересов ребенка (Ярская-Смирнова, Рождественская, Абрамов и др. 2023).

Зарубежные и российские практики социальной работы с семьями: обзор литературы

В практике защиты детей произошел сдвиг в сторону признания семей в качестве партнеров в принятии решений и вовлечения их в процесс оценки (Darlington et al. 2010): социальная работа стала пониматься более субъектно — как ориентированная на пользователя, а не на оказание услуг, и ведущее место в этом процессе стало отводиться позиции клиента (Roose et al. 2009). Результативная практика участия требует построения отношений с родителями для развития доверия и взаимопонимания в процессе оценки (Darlington et al. 2010), а отношения, основанные на сотрудничестве с родителями, позволяют лучше вовлечь их в участие в процессе изменений (Gladstone et al. 2014) и поддерживают мотивацию к росту благополучия их детей. Родительская семья помогает ребенку выстроить отношения с внешним миром на основе собственной системы ценностей и настраивает детский мировоззренческий «компас», определяя, какие внешние воздействия являются позитивными или негативными (Тугаров и др. 2016): могут предприниматься действия, направленные на реабилитацию/адаптацию детей с принятием или отказом от помощи государственных служб. И хотя участие родителей является ключевым результатом в практике защиты детей (Kemp et al. 2009), тем не менее исследователи рассматривают участие родителей и как проблему в практике защиты детей (Arbeiter, Toros 2017a), поскольку их содействие участию в системе защиты детей одна из наиболее сложных и чувствительных сторон профессиональной деятельности в социальной работе. Необходимы дополнительные исследования для поиска результативных способов взаимодействия с родителями с поиском знания о наилучших способах вовлечения родителей в процесс оценки, что имеет решающее значение для благополучия детей и их семей (Altman 2008; Arbeiter, Toros 2017b).

Следуя кредо доказательной социальной политики, недостаточно разрабатывать и апробировать варианты социальных технологий, обучить и замотивировать в режиме особой трудовой этики специалистов семейных центров, необходимо также изучить опыт их совместности (отноше-

ний, работы, конфликтов, предубеждений и т.д.) с родителями. Это составляет обширный сегмент проблематизаций исследовательского поля, в котором учитывается целый ряд контекстов, включая национальные социальные политики, доминирующие нарративы истории социальных интервенций, сложившиеся конфигурации семей или их осколков, характер социальных проблем, с которыми сталкиваются малоресурсные семьи. Поэтому, прежде чем предложить вниманию читателя небольшое исследование реакций вовлеченных в «работу со случаем» родителей с детьми, мы предпримем обзор уже проведенных исследований в различных национальных контекстах в целях плотного конфигурирования особенностей этого взаимодействия.

Так, отобранные в результате тщательной селекции по релевантным критериям 35 исследований (Bekaert et al. 2021) дали возможность оценить и сформулировать три взятые в фокус темы: взгляды членов семьи на систему социальной помощи; изученное восприятие родителями того, как их оценивали и строили взаимодействие социальные работники, и мнение социальных работников. Эти темы затрагивают дополнительные аспекты: возможно ли партнерство семьи и социального работника в правовых рамках; как преодолевать барьеры социально-культурных предубеждений и как сформировать доверие на практике, что в первую очередь релевантно в ситуациях, когда родители, находясь в трудной жизненной ситуации, используют не дополняющие (сотрудничество членов семьи с социальными работниками, при котором ребенок на период конфликта остается в семье) практики, а альтернативные средства, т.е. прибегают к самостоятельным попыткам выхода из трудной ситуации без обращения в государственные службы. Нежелание взаимодействовать с государственными службами и в целом неприятие любого рода социальной интервенцией в семью препятствуют действиям социальных работников, что нередко только усугубляет ситуацию, в которой находится ребенок (Тугаров и др. 2016).

Анализ литературы показывает, что вовлечение и участие семьи (включая матерей, отцов, бабушек и дедушек, молодых людей и детей) в предоставление услуг становится ключом к повышению эффективности оказываемой социальной помощи. Более того, авторами упоминается необходимость переориентации практики социальной помощи на развитие взаимоотношений и предоставление социальным работникам свободы проявлять на этом пути свои навыки и профессионализм (Featherstone et al. 2017). Но здесь возникают и риски сопротивления: во многих странах преобладает довольно бюрократизированная система защиты детей, не склонная к экспериментам и новациям (Gupta, Blumhardt 2016; Parton 2014). Дискурсивно доминирует мотив «защиты и спасения детей», про-

диктованный результатами исследований по злоупотреблениям, случаям жестокого обращения с детьми, а также высоким контролем над скудными бюджетами социальной помощи, что в итоге оставляет меньше возможностей для формирования партнерских отношений с семьями.

Международный опыт отражает общую тенденцию: по мере расширения и ужесточения законодательной базы по охране детства социальный работник вынужден ориентироваться и лавировать в трех пересекающихся, но идеологически различных областях — правовой сфере, судебно-медицинской практике защиты детей и терапевтической практике. Их взаимное напряжение вытекает из того, что они должны одновременно обеспечивать, с одной стороны, общую безопасность детей и, с другой — предоставлять семьям возможность и мотивировать их делать это самостоятельно (Cudjoe, Abdullah 2019; Gentles-Gibbs, Zema 2020). И тогда ключевым моментом становится установление контакта со специалистом, когда комплексной оценки ситуации может быть недостаточно, для того чтобы клиент занял позицию активного сотрудничества. При этом немотивированный член семьи, хотя и выступает клиентом, так как уже «впустил» в свою жизнь социальных работников, может являться и значимым препятствием в случае, когда имеется непосредственный риск жизни ребенка, из-за чего сотрудничество становится невозможным (Арчакова и др. 2019а). И все же работа в партнерстве с родителями — устоявшийся и широко разделяемый принцип в практике защиты детей. Также важно, чтобы опыт членов семьи был учтен, осмыслен и возвращен вновь в багаж знаний доказательной социальной практики (Morris 2012).

Мнения членов семьи о своем социальном работнике и смежных специалистах, например о психологе, один из самых распространенных сюжетов данной темы. В большинстве исследований фигура специалиста является одновременно и исполнителем, и посредником процесса защиты детей. Позитивно развиваемое взаимодействие документируется в отчетах о предоставлении ресурсов и отражается в уважительном взаимодействии — регулярном общении, выслушивании и формирующемся доверии в рассказах членов семьи о событиях или демонстрируемой готовности к положительным переменам. Исследования показывают, что ценным специалистом в глазах членов семьи считался тот, кто демонстрировал благожелательность, искреннюю приверженность семье, т.е. для достижения эффективности специалист по социальной работе должен формировать партнерский характер отношений с клиентами, сохраняя позицию специалиста с поправкой на уважение к получателю социальной услуги (Арчакова и др. 2019а).

Во многих исследованиях есть примеры того, что члены семьи ценили предоставление конкретных ресурсов, к которым относятся временный уход за нуждающимися в нем родственниками (Gentles-Gibbs, Zema 2020), транспортные услуги для консультаций и курсов по конкретным случаям (Buckley et al. 2011; Estefan et al. 2012), доступ к медицинскому обслуживанию (Gentles-Gibbs, Zema 2020), талоны на питание (Johnson, Sullivan 2008; McLeod 2010), поддержку при подаче заявлений на социальное жилье (Johnson, Sullivan 2008), доступ к группам психологической поддержки (Coakley, 2013) и конкретную поддержку детей (Dale 2004; Estefan et al. 2012). Была оценена и экстренная разовая помощь, например покупка пачки подгузников для малоресурсной матери (Dumbrill 2006). Предоставление безопасного места оказалось заметным преимуществом для молодых людей, что позволяло им обеспечить необходимую передышку, облегчить одиночество в пустой квартире или избежать улицы (Featherstone et al. 2017). Ценились специалисты, готовые помочь выходя за рамки формальных требований, например одна родительница рассказала, как социальный работник защищал ее интересы в полиции, когда ее преследовали родственники (Johnson, Sullivan 2008). Родители и молодые люди считали, что такая поддержка связана с искренним интересом и личной, а не вмененной добротой работника (Arbeiter, Toros 2017b; McLeod 2010).

Общение является одним из самых сильных сюжетов в исследованиях и значимо для всех членов семьи, а вот трудности с возможностью связаться с социальными работниками были источником их разочарования (D'Cruz, Gillingham 2014; Dale 2004). Более того, молодые люди считали, что работник должен сам поддерживать с ними регулярный контакт, а не ожидать, что они выйдут на связь (Gaskell 2010), поскольку молодые люди ценят стабильные отношения с профессионалом, которому, по их мнению, они могут доверять (Jobe, Gorin 2013; Lindahl, Bruhn 2017). Ценилась пунктуальность в контактах, причем молодые люди отмечали, что им самим «непоследовательное и ненадежное» поведение не «сошло бы с рук» (Buckley et al. 2011: 106). Родители также ценили умение слушать (Ghaffar et al. 2012). В исследовании Гаскелл (2010) многие молодые люди заявили, что им было непросто рассказать работникам о своих личных трудностях, поскольку они чувствовали, что их игнорируют или им не верят. Эти молодые люди видели в социальном работнике идеального друга и равного (O'Connor et al. 2014). Очевидно, такие ожидания проблематизируют границы профессионализма в сфере социальной работы и предполагается, что эти границы ясно обозначаются и взаимно соблюдаются.

Как и в любых отношениях со сложной эмоциональной динамикой, здесь важно первое впечатление. Члены семей в коллективном исследова-

нии (Ghaffar et al. 2012) заявили, что первое взаимодействие между профессионалами и семьями имело решающее значение. Семьями ценилась ясность и честность в обозначении причин участия социальных служб, а также в понимании того, что ожидается на следующих этапах и что следует за нереализованными ожиданиями (Ghaffar et al. 2012). Прежде всего это характерно для ситуаций, когда «сигнал» исходит не от самой семьи. В таком случае первая встреча проводится не на добровольных началах, клиенты испытывают недоверие, страх, тревогу, в результате чего формируется общий негативный эмоциональный фон, в рамках которого действия социального работника воспринимаются как бесполезные, незаслуживающие внимания (Арчакова и др. 2019а). Бабушки и дедушки особо отметили важное для них отсутствие поддержки в навигации по социальной системе типа дорожной карты социальных услуг (Gentles-Gibbs, Zema 2020) и заявили, что им была бы полезна письменная информация о процессе защиты детей, а также контакты с теми, кто мог бы объяснить им эту информацию (Ghaffar et al. 2012). Некоторые исследования показали, что первоначальная обеспокоенность служб по поводу проблем детей стала полной неожиданностью для их семей. Их первый контакт со службами произошел, когда с ними связались незнакомые специалисты или неожиданно прибыли к ним домой (Whitfield, Harwood 1999; Woolfson et al. 2010). Многие молодые люди, опрошенные в ходе исследования Джоб и Горин, не имели четкого представления о процессах защиты, а некоторые не понимали, что означает наличие плана защиты детей (Jobe, Gorin 2013).

Восприятие помощи со стороны семей: результаты исследований

А что насчет обратной связи? Что думают члены семьи относительно того, как их воспринимают и оценивают социальные работники? Некоторые специалисты выводят на первый план вовлечение реципиентов услуг в процессе социальной интервенции. Социальные работники, а также психологи и кураторы прибегают к мотивационному консультированию и устанавливают благодаря этому более прочную связь с клиентами, формируют успешный альянс, ведущий к регулярному посещению консультаций и приверженности терапии. В отзывах клиентов в таком формате интервенции наблюдается более позитивный отклик, они говорят, что имеют «право голоса» в терапии, в частности, потому что чувствуют уважение к себе, внимание к своим словам и понимание процесса изменения (Арчакова и др. 2019б).

Во многих исследованиях дополнительно фиксируются наблюдения членов семьи за негативными проявлениями в коммуникации с социальным работником. Прежде всего речь о гендерных ожиданиях, стереотипах

со стороны социальных работников и гендерно окрашенном взаимодействии с ними. Родители с аддикциями и особыми потребностями, такими как употребление психоактивных веществ или опривыченное насилие в семье, чувствовали осуждение, сталкивались с предвзятыми оценками как заранее обреченные на неудачу в глазах соцработника.

В ходе исследований члены семьи говорили о том, как предвзятое отношение и (не)понимание конкретных семейных обстоятельств, предполагаемых траекторий и ролей повлияет на подход соцработника к ним. Родители сообщали, что соцработники, как правило, не питали надежды относительно перспектив их реабилитации, как если бы у них были психические заболевания или зависимости. Они говорили о «слепоте к восстановлению» и о том, как сосредоточенность на рисках затеняет возможности увидеть потенциальный рост и изменения (Scott et al. 2018: 99). Родители, участвовавшие в исследовании Скотта и др., отмечали, что до диагностики мало внимания уделялось стабильности и скорректированному воспитанию детей. Эти родители подчеркивали, что (пере)воспитание детей может стать возможностью для общего выздоровления, решения проблем зависимости или проблем психического здоровья (Scott et al. 2018: 99).

Члены семьи считали, что социальные работники придерживаются узких предвзятых представлений о проблемах подопечных. Наиболее остро это ощущали родители с диагнозом психического нездоровья или употребления наркотиков/алкоголя (Booth, Booth 2005). В исследовании Бутов родители отметили, что их мнение не имело большого влияния, даже когда специалисты-практики поддерживали с ними связь. Они чувствовали, что заранее сформулированный план вмешательства не учитывает их мнения. Матери говорили о проверке и санкциях, даже когда они были «невиновны». Представление о матери как защитнице ребенка/детей было доминирующим на практике (Haight et al. 2017: 1087), а матери, сами подвергшиеся домашнему насилию, чувствовали, что их поспешно и несправедливо обвиняли в испытаниях, выпавших на долю их детей (Johnson, Sullivan 2008). Матери, участвовавшие в исследовании Джонсона и Салливана (Johnson and Sullivan 2008), потерявшие опеку над своим ребенком/детьми, отметили, что им была предъявлена масса условий для восстановления опеки, однако преступники (виновники насилия) не были наказаны. Матери, участвовавшие в исследовании Смитсона и Гибсона, отметили, что планы по защите детей пролонгировались, поскольку отцы не принимали в них участия, а вот матерей подвергали постоянному контролю (Smithson, Gibson 2017).

Несмотря на то что голоса отцов не были столь многочисленными в исследованиях, опыт их исключения из процесса защиты детей был

очевиден. В работе Какли (Coakley 2013) отцы говорили о том, что социальные работники, похоже, обеспокоены их «отсутствием» в семье, в которой они тем не менее существуют. Отсутствием, поскольку отца «устраняют» как совершившего насилие, и конструируемым присутствием, пытаясь сохранить ему положительную роль в семье, отцы выражали чувство страха и рисков маргинализации: «Все, с кем я разговариваю, в основном смотрят на мою жену и разговаривают с ней. Социальные службы очень ориентированы на женщин, они хотят помочь женщинам» (Coakley 2013: 11). Иногда именно представление матери об отце создавало представление о нем как об угрозе, и соцработник был склонен принять точку зрения матери (Storhaug, Øien 2012). Отцы говорили о том, что им трудно добиться признания в качестве активного опекуна (Philip et al. 2019) и отмечали, что усилия некоторых матерей по уходу и в отношении защиты детей, по-видимому, им недоступны (Philip et al. 2019).

А что говорят дети и молодые люди? Они заявили, что, по их мнению, их опасения не были услышаны или что они не принимали адекватного участия в принятии решений, касающихся планов защиты. Они чувствовали, что на них смотрели как на подчиненных членов семьи, а не как на компетентных людей, способных проявлять свободу воли (Jobe, Gorin 2013).

Как в целом члены семьи оценивают систему социальной помощи, ее организацию и эффективность? Имеющиеся данные показывают преобладающее негативное отношение всех членов семьи к участию социальной помощи в их жизни. Родители ощущали себя стигматизированными, полагали, что им приходится защищать себя и свои семьи от предвзятого взгляда на свою семейную ситуацию. Социальный работник обладал значительным контролем над целями и сроками социальной интервенции, а это означало, что родители постоянно боялись, что их ребенок/дети попадут под опеку. Точно так же дети боялись, что о них не позаботятся. Молодые люди были особенно разочарованы высокой текучестью кадров специалистов, которая нарушала складывающиеся отношения и усугубляла чувство заброшенности со стороны взрослых в их жизни. Текучесть работников, приводящая к непостоянству и дальнейшим задержкам, часто приводила к тому, что члены семьи меньше интересовались новыми работниками (Smithson, Gibson 2017).

Даже когда отношения с работником были положительными, преобладающим было мнение о внешней власти над семейной жизнью, которой в конечном итоге нужно было «подчиняться». Некоторыми власть ощущалась абсолютной, тиранической и пугающей, поскольку она дестабилизировала тех, кто на самом деле обладал властью в семье (McWey et al. 2008). Другие родители, участвовавшие в исследованиях, отмечали, что соцработ-

ники властно предписывали те действия, которые члены семьи должны были совершать, чтобы избежать последствий, наиболее тревожные из которых были опека — потеря детей (Buckley et al. 2011; Dumbrill 2006).

Самостоятельно связываться со службами защиты детей было стыдно. В исследовании Бакли и др. Родительница описала эту встречу как «возможность открыто поговорить о моем грязном белье» (Buckley et al. 2011: 104). Родители в исследовании Арбайтера и Тороса (Arbeiter, Toros 2017a) чувствовали, что их обвиняют, даже если вовлеченный родитель не был виноват. Они считали, что подход социальной системы основан на проблемах или внешне определяемых качествах, а не на стремлении понять семейную ситуацию. Это усугублялось ростом бюрократической профессиональной практики и нехваткой времени для налаживания более глубоких отношений.

Вероятно, поддержанная законодательством власть социальных служб могла бы быть более стимулирующей, облегчая поддержку в трудных семейных обстоятельствах. Однако члены семьи, как правило, воспринимали вмешательство социальной помощи как навязанное и разрушительное. В нескольких исследованиях родители отметили, что они неохотно соблюдали планы защиты, поэтому работники больше не участвовали в их жизни (Dale 2004; Dumbrill 2006; Estefan et al. 2012). Родители, участвовавшие в исследовании Смитсона и Гибсона (Smithson, Gibson 2017), обнаружили, что в их план были добавлены новые действия, а сроки продлены, что привело к потере веры в соцработника и систему социальной помощи. Родители также заявляли, что консультации по вопросам защиты детей вызывают у них стресс (Ghaffar et al. 2012). Они были вынуждены усваивать огромное количество информации за короткий период времени и чувствовали себя неподготовленными к тому, что должно было произойти. Также существовала потребность «защитить» себя.

Итак, суммируя, подчеркнем, что ключевыми темами в изучении взглядов членов семьи на предусмотренное законом участие в защите детей в проблемных семьях оказались отношения членов семьи со своими соцработниками (а именно демонстрация родителям альтернативного варианта, в рамках которого социальной работник включается в процесс помощи детям и налаживания диалога), восприятие семьей отношения к ним со стороны соцработника, а также взгляд членов семьи на систему защиты детей. В нескольких исследованиях члены семьи размышляли о самой системе защиты детей, иногда признавая трудную задачу соцработников по балансированию терапевтической поддержки семьи и законодательства по защите детей. Несмотря на то что упомянутые темы частично

пересекаются, каждая из них дополняет другую. Явно присутствует дисбаланс сил между членами семьи и представителями служб/центров защиты детей, во-первых, через правовую основу участия в защите детей, во-вторых, через влияние стереотипов, предвзятых ожиданий в отношении конкретных семейных ситуаций (т.е. домашнего насилия, нарковеществ и алкоголя), гендера и семейных ролей (т.е. различных ожиданий от матерей и отцов), возраста (т.е. ожиданий независимости и занижения потребностей подростков одновременно), когда могут стать очевидными новые проблемы в отношении развития.

Члены семьи часто говорят о том, что их смущает, когда они бессильны и о них предвзято судят со стороны соцработника и системы защиты детей. Безвластие и нересурсность в отношениях может привести к гневу и разочарованию, а главное — к сопротивлению и отказу от услуги, которая могла бы стать поддержкой для членов семьи и в первую очередь детей. Чтобы добиться сотрудничества или даже партнерства с членами семьи, соцработник/специалист/психолог должны работать над устранением этого дисбаланса сил и соответствующим образом адаптировать свою практику. Однако члены семьи приводят множество примеров того, как соцработник может заложить практические основы для установления доверия между членами семьи и работниками. Когда это происходит, возникающие в результате взаимопонимание и доверие могут смягчить случаи, когда от работника требуется осуществление законодательной власти. Так, Тью (Tew 2006) исследует концепцию власти в социальной работе. Существует власть делать, быть или действовать, где власть понимается как «вещь», которой владеет человек или группа, и как власть над другими, а здесь это зависит от работника, который является государственным агентом контроля, «обеспечивающим соблюдение» закона в интересах защиты детей. В каждом случае сотрудникам государственных организаций приходится сталкиваться с этой дилеммой, т.е. совмещать две конфликтующие функции: носителя властных полномочий со способностью прямым образом влиять на жизни людей и помощника/наставника, который должен активизировать внутренние ресурсы семьи. При этом остается открытым вопрос, как «на принципах взаимного уважения и совместной ответственности» создать план и работать по нему с родителем, который не привык к такому формату коммуникации, в результате чего действия и наставления социального работника становятся декларативными и снижают общую эффективность внедрения программы (Арчакова, Москвичев, 2013).

Научный дискурс упомянутых исследований предполагает, что члены семьи осознают, что сотрудничество может быть иллюзорным

и что «неспособность» придерживаться «совместного» плана может повлечь санкции. В целом члены семьи рассматривали услуги по защите детей как патерналистские, а не партнерские отношения на благо ребенка/детей. Члены семьи считали своего соцработника или систему социальной помощи обладателями власти над ними, а участие в сфере услуг воспринималось как принудительное взаимодействие с законной «властью», где в конечном итоге все контролировал соцработник. Члены семьи также подчеркивали, как культурно укоренившиеся представления о конкретных родительских ситуациях приводят к тому, что соцработники диагностируют родительский дефицит, несмотря на доказательства обратного. Это менее явная власть, встроенная в социальные отношения и способная открывать или закрывать возможности для отдельных лиц или социальных групп в зависимости от принятого понимания определенных явлений (Tew 2002: 165). Синдром «начать заново», когда практикующие специалисты пытаются убедить родителей в необходимости поступать по-другому в интересах своих детей или в будущем, расценивается родителями как наивность (Bekaert, Richardson 2022).

Тем не менее, когда сильные стороны члена семьи признаются профессионалами, это расширяет возможности, повышает моральный дух, повышает доверие и способствует решению проблемы и общему восстановлению самостоятельности и автономии (Estefan et al. 2012; Ghaffar et al. 2012). Формируется более стабильный эмоциональный фон: у реципиентов услуг появляется надежда на изменение в своей жизни / жизни своих детей, появляется желание быть/стать лучше, а также складывается устойчивое мнение о том, что существуют хорошие специалисты, которые могут помочь в этой ситуации (Арчакова и др. 2019). Там, где между соцработником и членами семьи существует партнерство, родители и дети чувствуют себя способными внести свой вклад в реализацию планов, и положительный результат становится более значительным. Тем не менее столкнувшись с беспокойством о своих детях, родители могут почувствовать давление и ответить защитой и страхом того, что ребенок/дети попадут под опеку (Featherstone et al. 2017). Несмотря на сдвинутый в сторону соцработника баланс власти, все же может быть установлен определенный уровень доверия. Основой этого доверия является практическая поддержка и терапевтические отношения. Пользователи социального сервиса высоко оценили практическую помощь, конструктивное общение и регулярный контакт со своими работниками. Чтобы обеспечить положительные результаты для всех членов семьи, соцработник должен работать гибко, переходя от партнерской

работы со всеми членами семьи до позиции, ориентированной на ребенка, в соответствии с законом о защите детей.

Семьи в контексте реализации технологии

Прогресс семьи в процессе реализации технологии

Информанты из числа семей, участвовавших социальной интервенции, отмечают прогресс и положительное влияние технологии на их состояние и ситуацию в семье. Прежде всего говорится об изменении взгляда на воспитание детей и на отношения с детьми, и эти сдвиги можно охарактеризовать как элементы ответственного родительства:

Я начала слушать более опытных людей. Я стала больше времени с ребенком проводить, больше ходить куда-то, развлечения какие-то... где-то больше внимание уделять, где-то меньше, чтобы он (ребенок) сам сделал какие-то выводы и решения. Это все получилось с помощью психолога и специалиста, всех служб, которые помогали (ребенка не изымали из семьи).

Но она меня и проверяет еще. По поводу моего лечения в диспансере. Н. мне сказала, что делать: психиатр для меня, комиссия для дочери, потом квартира и задолженность. А ремонт по возможности, когда я немножко окрепну. Главное, чтобы еда и постель были всегда готовы для детей, и чтобы мы жили одни, без других людей. Я поняла, что от меня нужно (ребенка не изымали из семьи).

Информанты реалистично оценивают свои шансы на ресоциализацию и констатируют важную роль служб в прогрессе их семейной ситуации. С одной стороны, это говорит об их доверии к данной институции, а с другой — может стать источником критической зависимости семей от институциональной поддержки:

У самой без служб поддержки нет, сама бы я не справилась (ребенка не изымали из семьи).

Когда переехали сюда, мы как-то входили в колею, с помощью сотрудников служб. Я больше начала заниматься ребенком. То есть мы сняли эту квартиру, начали тут жить. К нам начали приходить эти люди и говорить, как лучше поступить, больше внимания уделять ребенку (ребенка не изымали из семьи).

У многих информантов есть возможность сравнивать работу специалистов, владеющих технологиями, и «обычных» сотрудников социальной службы. Это сравнение не в пользу «обычных» работников социальной

помощи, которые, по мнению информантов, подходили к делу формально, бюрократически, без ориентации на содержательный результат

Что мне ранее говорили соцзащита, школа и все эти психологи школы — пустые слова, а то, что мне советуют Татьяна Петровна и Виталий Сергеевич, это значительно действеннее (ребенка не изымали из семьи).

Прогресс — это не только реальные изменения в семье, но и пересмотр восприятия ситуации, в которой семья оказалась. Часть информантов говорила о том, что они обрели новый взгляд на семейные отношения и воспитание детей, что это помогло лучше справляться с накопившимися проблемами. Этот взгляд является скорее психологическим по своему характеру, и технология работает и как терапия, что имеет свои позитивные стороны, но и несет риски излишне глубокой привязанности к куратору как терапевту.

Помощь психолога мне, не ребенку, а мне. Я одна его ращу. Как снимать стресс, как снимать собственный гнев, так как у меня сложный ребенок... и, чтобы не накалять ситуацию, есть отдельные методики: «как проработать свою субличность». Мне это очень помогло (ребенка не изымали из семьи).

Помогли понять, что наши дети — это главное, для чего мы живем (ребенка вернули в семью после изъятия).

Повышение самооценки на фоне социальной интервенции можно отнести к прогрессу — вера в свои силы, в волю, которая помогает справиться с проблемами и ресоциализироваться, являются значимым аргументом, особенно в ситуации, подталкивающей к резкой переоценке, когда детей изымает опека. Это говорит о пользе технологии, раскрывающей внутренний потенциал членов семьи:

Изменения есть. У меня значительно повысилась самооценка. Я научилась отстаивать интересы свои и своих детей в различных организациях. Я делаю все возможное, чтобы не произошло срыва (ребенка вернули в семью после изъятия).

Поддержка специалистов мне всегда помогала и сейчас помогает. Но я думаю, что в настоящее время могу многие вопросы решить самостоятельно (ребенка вернули в семью после изъятия).

Я стала самостоятельнее, стала внимательней к ребенку. Теперь смотрю на материнство по-другому (ребенка вернули в семью после изъятия).

Квазипрофессионализация клиентов

В ходе исследования, призванного показать влияние применения технологии на членов семьи, обнаружено несколько непредвиденных последствий плотной и долговременной коммуникации семьи с кураторами и другими специалистами. Эти последствия связаны не только с позитивными изменениями в семье и ее относительной нормализации — возвращении к практикам ответственного родительства и ресоциализации, но и с обретением нового языка для самоописаний своего психологического состояния и переопределения своей идентичности. Материалы интервью показали, что информанты в какой-то мере переняли профессиональный язык семейной терапии в ходе взаимодействия с психологами и кураторами и отчасти восприняли модели мышления и понимания своей ситуации как «случая», т.е. способы рефлексии, принятые у кураторов, работающих в парадигме технологии. Это можно расценивать как бессознательное освоение элементов профессиолекта, так и сознательное воспроизводство его элементов при общении с интервьюером (психологом) для демонстрации наработанной «квалификации» в понимании своего состояния и «кей-са» своей семьи. Это пересекается с исследованиями, где показана растущая роль «профессионализации родительства» (Чернова, Шпаковская 2016). Вот несколько примеров высказываний информантов с использованием лексем профессионального тезауруса психологов:

У меня было родительское выгорание, и она мне помогла. Показала схемы, методики... (ребенка не изымали из семьи).

Психологическая помощь; помощь в осознании проблемы, связанной с моим младшим сыном. Специалисты помогли мне до конца осознать, что мой младший сын-особенный ребенок; специалисты помогли и помогают сейчас нормализовать детско-родительские отношения между моим старшим сыном и мной (ребенка еще не вернули в семью после изъятия).

Может показаться, что такие понятия, как «родительское выгорание», «депрессия», «субличность», «детско-родительские отношения», стали общеупотребительными в нашем мире, где популяризированная версия психологии завоевала внимание массовой аудитории и соответствующая терминология вошла в повседневную речь. Отметим, что популярная психология стала востребована в первую очередь представителями образованных слоев городского населения (Чернова, Шпаковская 2023), тогда как наши информанты нередко находятся на более низких ступеньках социальной лестницы и к тому же на протяжении долгого периода перед

началом работы с кураторами пребывали в десоциализированном состоянии, семьи страдали от разного рода зависимостей, что не способствовало психологическому самообразованию. С большой долей вероятности можно предположить, что «опыление» профессиональным языком терапии и технологии произошло с началом социальной интервенции. Иными словами, можно констатировать, что вовлечение членов семьи в работу вместе с кураторами и психологами по реализации основных этапов технологии создает эффект «квазипрофессионализации» для семьи (Чернова, Шпаковская 2016), когда сами объекты социального воздействия начинают воспроизводить языковые модели и схемы мышления, отвечающие технологии.

Специалист как родитель и риски иждивенчества

Технология предполагает плотный контакт и включение семьи в общение с куратором и другими специалистами на протяжении шести месяцев и больше. Сама технология содержит заметную терапевтическую составляющую, связанную с психологией семьи и личности, а это подразумевает эмпатичные доверительные отношения между членами семьи и кураторами. Можно сказать, куратор становится «социальным терапевтом» случая и для семьи личный контакт играет важную роль, особенно в процессе активной терапевтической интервенции. Однако у этой стороны технологии есть свои проблемные области. Анализ интервью с членами семьи, так же как и материалы бесед с кураторами и супервизорами, показал, что семьи нередко оказываются не готовы отправиться в свободное самостоятельное плавание после окончания активной работы со случаем. Кураторы говорили, что и после завершения своей работы, они нередко оставались на связи с семьей еще некоторое время — давали советы, оказывали иную помощь. В какой-то мере в активной фазе реализации технологии кураторы принимают на себя функцию наставника, советника и даже родителя, а члены семьи готовы стать на это время послушными, хотя и не самостоятельными, детьми. Например, в нижеследующем фрагменте интервью член семьи говорит о роли куратора как о роли наставника и родителя, что выражается в использовании глаголов «отговорила», «сказала», «направила» и т.п.

Очень много советов и полезной информации. Даже муж не знал некоторые вещи. Причем много информации по разным вопросам, нам нужна была помощь по кредитам, по задолженности за квартиру. Отговорила от кредита и продажи жилья. Сказала, что можно в долги влезть до конца жизни. Направила в «Жилищник» для проверки счетчиков. У нас есть счетчики, но они не работают, мы не знали,

что с этим делать, это Наташа сказала нам, что надо сделать «поверку», дала телефон мастера» (ребенка не изымали из семьи).

Такая артикуляция отношения к куратору как к заботливому родителю, ведущему по жизни «неразумное дитя», создает риски длительной зависимости от кураторов и даже иждивенчества, когда члены семьи готовы быть «хорошими» до тех пор, пока идет забота о них со стороны кураторов и других специалистов. К тому же в этой ситуации есть риски рецидива после окончания активной социальной интервенции. В определенный момент семье придется жить без внимания социальных служб, уметь решать бытовые вопросы и самое главное — не регрессировать вновь к состоянию, в котором семья привлекла их внимание. Материалы интервью свидетельствуют, что далеко не все семьи осознают эти перспективы и готовы к самостоятельной жизни.

Немаловажна и проблема утраты агентности (Emirbayer, Mische 1998; Сорокин, Фрумин 2020) членами семьи в период активной фазы реализации технологии. Сложно сказать, в какой степени агентность как способность к моральной и целевой оценке своих поступков и действий, соотносясь с внешними обстоятельствами, имела место в момент начала работы специалистов с семьей (Штомпка 2001). Скорее всего, в значительной мере семьи ее утратили, став заложниками сложной жизненной ситуации, отягощенной зависимостями (алкогольной, наркотической), шлейфа психологических и даже психических проблем, а также иногда наличием деструктивного социального окружения. Технология призвана вернуть семье агентность через осознание проблем и ресоциализацию: философия технологии подразумевает совместность и партнерство кураторов и членов семьи на этом пути, а не иерархические субъектно-объектные отношения. Тем не менее далеко не всегда это удастся — появляются риски невозвращения агентности и не перехода членов семьи в позицию взрослого, поскольку их временной и освоенной опорой становятся кураторы, психологи, специалисты — все те, кто осуществляет социальную интервенцию.

К этому добавляется иждивенческая позиция, проявляющаяся в некоторых фрагментах интервью. Информанты полагают, что если к ним приковано внимание различных специалистов, которые с ними «возятся», то значит их собственная значимость возрастает и специалисты должны некоторым образом «отдариться» за то, что семья стала для них столь важным объектом приложения профессиональных усилий, т.е. рождается в некотором виде субъективно понятная реципрокность. Здесь возникают риски манипулятивного поведения, подобного тому как капризные дети

выпрашивают угощения у любящих родителей. Например, одна из информанток говорит о том, что ей «были приятны» различные знаки внимания от социальной службы, которые к тому же подкреплялись материальной поддержкой:

Было очень приятно пойти в магазин, и абсолютно без денег на бонусы приобрести продукты и вещи. И именно этот момент я почувствовала переломным, что специалисты как-то глобальнее помогают, а не просто словами. Периодически приносили билеты. Для меня это немножко разбавило эту всю обстановку, приятный был момент (ребенка не изымали из семьи).

Рессентимент и тоска по патернализму

«Госпитальный синдром» продолжающейся социальной терапии и элементы иждивенчества связаны, на наш взгляд, с более глубоким и масштабным феноменом рессентимента и своего рода русской тоски по патернализму. Некоторые информанты склонны приписывать исключительно внешним обстоятельствам и абстрактной общей непростой ситуации те проблемы, которые возникли в их семье и с их детьми. При этом они ссылаются на некое прекрасное прошлое, когда забота о воспитании детей делегировалась таким социальным институтам, как школа и учреждения дополнительного образования. Любопытен и привлеченный в цитатах ниже строй метафор — дети как трава, родители как тракторы, десубъективированные и совсем не дружественные друг другу:

Дети сейчас как трава, родители все сами как тракторы, пахут и пахут. Обернешься, ну там че-то выросло. Просто раньше нами как-то больше занималась школа, больше занимались учителя, кружки там что-то еще (ребенка еще не вернули в семью после изъятия).

Никому не секрет, что сейчас в школе не такое образование, которое раньше нам давалось, и совершенно другие приоритеты. Ну, из-за этого всего, мой сын выбрал не самое правильное решение — уйти к друзьям (ребенка не изымали из семьи).

Иными словами, клиенты ищут возможности уйти от ответственного принятия ситуации в семье как производной собственных действий и стремятся найти причины во внешнем мире — изменившемся времени и недостаточной работе профильных социальных институтов.

Гендерные различия и стереотипы

Ожидания патерналистской заботы парадоксальным образом связаны у информантов с традиционалистскими представлениями о разделении

семейных ролей между женой и мужем, матерью и отцом. Наши информанты — женщины. Сбор полевых данных был жестко регламентирован, поскольку происходил в период активной работы по технологии. Поэтому в исследовании участвовали те члены семьи, которые были готовы ответить на вопросы интервьюера, и ими стали жены и матери. Многие из них воспроизвели распространенные в России стереотипы семейных амплуа, когда жена заботится о семье и детях, а муж рассматривается как большой ребенок, которому можно покапризничать, за которым нужно присматривать и кто сам нуждается в заботе. Информантки даже оправдывали мужской алкоголизм необходимостью снятия стресса после работы для мужа.

Мы живем мирно, оба работаем, у него раньше не было детей, он очень гордится тем, что у него появились сыновья, да еще и после 40 лет. Но в основном я ухаживала за детьми, помогала моя мама, у мужа не было опыта, поэтому мы ему немного чего поручали (детей не изымали из семьи).

Муж работающий, выпивал, бывало, после работы, или когда ему надо отдохнуть или расслабиться — пива выпьет, он так привык (ребенка не изымали из семьи).

Мы вместе с мужем ходили на тренинг для родителей в центре, там его учили быть более ответственным, больше заниматься детьми, смотреть, как они меняются, а не только гордиться, что он отец. Я теперь больше даю ему поручений, а не делаю все сама, маму тоже стараюсь меньше просить (ребенка не изымали из семьи).

В интервью снова было озвучено традиционное представление о разделении гендерных ролей в семье, в соответствии с которым мужчинам позволено больше и им требуется больше свободы и отдыха дома. При этом воспитанием детей занимается жена, поскольку у мужа и отца «нет опыта», т.е. он сам является «ребенком», что можно считать спецификой многих российских семей, особенно относящихся к социальным группам с низкими доходами и уровнем образования.

Стыд и переломные моменты в осознании проблемы

Каждый случай, попадающий в систему сопровождения с помощью технологии, в чем-то уникален, но и по-своему типичен. Уникальность обусловлена индивидуальными особенностями членов семьи, спецификой их социальной и психологической ситуации, печальной траекторией в трудную жизненную ситуацию, из которой невозможно выйти без квалифицированной экспертной помощи. Но в этой уникальности отражается и ти-

пичность — социологи, социальные работники, психологи знают о типовых сценариях и ловушках для таких семей, что и дает возможность применять методы доказательной социальной политики, как в нашем исследовании.

Важным шагом на пути к ресоциализации является осознание проблемы, особенно если жизнь отягощена зависимостями (алкогольной, наркотической) и психологическими сбоями. Информанты констатировали исходное непонимание ими глубины семейной проблемы и ощущение «нормальности» своей жизни, которая между тем шла по траектории, ведущей к распаду семьи и возможно физической гибели.

К ситуации отношусь тяжело. На тот момент я не понимала имеющиеся проблемы в семье и испытывала агрессию по отношению к специалистам. Я не хотела, чтобы они лезли в нашу жизнь. Мне оказывали поддержку материальную и моральную моя мама и младший брат, но этого было мало (ребенка еще не вернули в семью после изъятия).

Не удалось осознать, потому что не хватало знаний, да и вообще глаз «замылится». Казалось, что я могу справиться с алкогольной зависимостью сама и даже не знала, что она есть. В этом плане мне здорово помогли специалисты, так сказать, открыли глаза на проблему, но, к сожалению, слишком поздно пришли ко мне на помощь. Детей пришлось поместить в учреждение, но я обязательно буду стараться вернуть их в семью (детей еще не вернули в семью после изъятия).

При этом некоторые из информантов говорили о возникшем чувстве стыда за свою жизнь, что тоже подстегивало их к положительным изменениям, мотивировало принимать профессиональную помощь специалистов и участвовать в социальном сопровождении.

Мне было очень неприятно, неудобно как-то, что посторонним людям надо было рассказывать о нашей семье, как мы живем. Но куратор и психолог разговаривали всегда уважительно, не обвиняли, а пояснили, что произошедший случай должен как-то изменить что-то, научить нас, что бы не произошло чего-то хуже в будущем (ребенка не изымали из семьи).

Переломным моментом для части информантов стало помещение детей в социальное учреждение и страх, что они могут быть лишены родительских прав, а дети станут социальными сиротами. Информанты говорили, что именно это заставило их откликнуться и на предложение о сопровождении со стороны специалистов и включение в работу как случая с применением технологии.

Когда забрали детей, я была в состоянии шока. Специалисты хорошо поддерживали меня в этот момент. Рассказали, что на данном этапе так будет лучше для них и для меня. После этого сопроводили меня в центр наркологии, так как мое состояние было ужасное. Без них сама бы я не справилась (детей еще не вернули в семью после изъятия).

Самый переломный момент для меня — это отображение детей. Я сразу поняла всю серьезность ситуации (детей еще не вернули в семью после изъятия).

Я начала вести трезвый образ жизни и пересмотрела многие вещи, которые происходили в семье. Для меня важно вернуть детей в семью. Я к детям езжу очень часто. Они скучают и хотят домой (детей еще не вернули в семью после изъятия).

Заключение

Доказательная социальная политика базируется на оценке результативности принимаемых мер по улучшению ситуации в социальной сфере. Оценка эффективности реализуется с помощью различных методик и подходов, включая аудит экономических итогов и оценивание содержательных результатов более комплексными и ориентированными на экспертное мнение способами. Данная статья — продолжение большой работы (см.: Ярская-Смирнова, Рождественская, Абрамов и др. 2023) по совершенствованию комплексной оценки технологии работы с семьями, оказавшимися в трудных жизненных ситуациях с риском социального сиротства для детей.

И если предыдущие этапы оценивания касались работы специалистов и организаций, реализующих технологию, то текущее исследование посвящено тому, как воспринимают социальную интервенцию семьи. Проведение такого исследования связано с рядом методических и этических ограничений. Доступ к семьям имел специалист, а поэтому интервьюерами, привлеченными в исследования, выступили профессиональные психологи, которым доверяли члены семей. В ходе интервью затрагивались чувствительные темы, касающиеся болезненных аспектов биографий семей, связанных с возникновением трудных жизненных ситуаций и вынужденному подключению к системе социальной заботы, однако важным является тот факт, что реципиенты теперь выступали оценщиками социальной интервенции. Информанты воспринимали интервьюеров как представителей этой системы, поэтому не стоит преуменьшать значение социально желательных ответов в их нарративах. Тем не менее многие информанты вполне откровенно делились своими переживаниями и мнением о результативности технологии. В целом оценка эффективности выигрывает на

основе триангуляции с учетом мнений вовлеченных акторов — супервизоров, кураторов, психологов, администраторов и опосредованно родителей, что и показало наше исследование.

В сравнении с полученными отзывами экспертов и специалистов в ходе этого исследования получен срез с менее оптимистичной и содержательно сложной картиной оценки интервенции: члены семей хотя и уверяли, что прогресс есть, но это скорее выглядело как надежда на лучшее, нежели уверенность в том, что имеющиеся проблемы будут преодолены. Одновременно, наше исследование фиксирует наличие прогресса в динамике семей — задача уменьшения случаев жестокого обращения с ребенком с помощью технологии решается, и это в немалой степени связано с продвинутой квалификацией специалистов, овладевших технологией и сменивших угол зрения на работу со случаями. В интервью неоднократно отмечается, что неожиданно понимающий, партнерский, эмпатический подход кураторов к членам семьи вместе с составляющими технологии настраивают клиентов на оптимистические ожидания, мотивируют их изменить свое отношение к жизни, разрывая замкнутый круг зависимостей, бедности, семейного насилия. Трудно ожидать, что все семьи преодолеют проблемы, многие выйдут на плато относительной «нормальности» с периодическими «срывами», но это уже станет для семей большим шагом вперед. Здесь есть повод задуматься о перспективах социальной помощи, сопряженной, но не равной представленной социальной технологии работы со случаем. Вариант клубной помощи таким семьям, объединяющей семьи с похожим социальным опытом, помогли, вероятно, перевести режим помощи со стороны кураторов и специалистов в более горизонтальный — самопомощь.

Что же мешает полной реабилитации и полной ресоциализации семей? Много причин, которые кроются в культуре воспроизводства бедности, исходной низкой ресурсности, узости социального горизонта и маневра, что осложняется наследственными зависимостями (в первую очередь алкогольной) и трудным семейным прошлым. Конечно, технология позволяет сделать эти проблемы видимыми для семей, привести их к ситуации осознанности и дает семьям ясные направления по решению проблем с участием доброжелательных и квалифицированных специалистов. Однако технология не подразумевает системного медикаментозного вмешательства, не работает, когда требуется долговременная помощь узкопрофильных специалистов.

Исследование показало, что эффективность работы социальных служб с проблемными семьями является конstellацией целого ряда обстоятельств, многие из которых находятся вне сферы влияния специалистов.

Прогресс семей в ходе реализации технологии вместе с квазипрофессионализацией членов семьи можно рассматривать в качестве эффекта включения семей в технологию, тогда как рессентимент, «госпитальный синдром», гендерные особенности участия членов семьи в процессе скорее относятся к ресурсным и средовым факторам, которые специалисты могут учитывать в ходе работы с семьей, но которые далеко не всегда могут быть санированы.

Технология и реализующие ее кураторы создают почву для прогресса, дают рекомендации, «квазипрофессионализируют» клиентов там, где уже сами клиенты будут обращаться за дальнейшей помощью самостоятельно. Технология не является панацеей, она скорее создает системный шанс для ресоциализации, снижения уровня насилия, нормализации семейной ситуации. И конечно, она отыгрывает главные ожидания — ребенок в большинстве случаев остается в семье. В этом смысле технология укладывается в парадигму доказательной социальной политики.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при поддержке РНФ (грант № 2228-20490 «Семья на краю: пределы и возможности социально-технологической интервенции в профилактике социального сиротства»).

Литература / References

Сорокин П.С., Фрумин И.Д. (2020) Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки. *Социологические исследования*, 7: 27–36.

Sorokin P.S., Froumin I.D. (2020) «Structure/agency» problem in the 21st century: changing social reality and research implications. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 7: 27–36 (in Russian).

Тугаров А.Б., Очкина А.В., Шевцова Э.А. (2016) Травматические практики внутрисемейного воспитания детей: синтез педагогики и социальной философии. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Педагогика*, 1(37): 124–134.

Tugarov A. B., Ochkina A. V., Shevtsova E. A. (2016) Traumatic intra-family child-raising practices: pedagogy and social philosophy synthesis. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki. Pedagogika* [University proceedings. Volga region. Humanities. Pedagogy], 1(37): 124–134 (in Russian).

Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. (2016) Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием. *Журнал исследований социальной политики*, 14(4): 521–534.

Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2016) Professionalization of Parenthood: between expert and everyday knowledge. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 14(4): 521–534 (in Russian).

Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. (2023) *Путевка в жизнь: Социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2023) *A start in life: sociological essays on education, class inequality and social exclusion in Russia*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg (in Russian).

Штомпка П. (2001) Понятие социальной структуры: попытка обобщения. *Социологические исследования*, 9: 3–13.

Shtompka P. (2001) The concept of social structure: an attempt at generalization. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 9: 3–13 (in Russian).

Ярская-Смирнова Е.Р., Рождественская Е.Ю., Абрамов Р.Н., Борзов С.П., Александрова М.Ю. (2023) Социальная технология оказания социальной помощи семьям с детьми: опыт внедрения и оценка эффективности. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 5: 3–25.

Yarskaya-Smirnova E.R., Rozhdestvenskaya E.Y., Abramov R.N., Borzov S.P., Aleksandrova M.Y. (2023) Social Technology for Providing Social Assistance to Families with Children: Implementation Experience and Evaluation of Effectiveness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5: 3–25 (in Russian).

Altman J.C. (2008) A study of engagement in neighborhood-based child welfare services. *Research on Social Work Practice*, 18: 555–564.

Arbeiter E., Toros K. (2017a) Parental engagement in child protection assessment: A qualitative analysis of worker and parent perspectives. *International Social Work*, 60 (6): 1469–1481.

Arbeiter E., Toros K. (2017b) Participatory discourse: Engagement in the context of child protection assessment practices from the perspectives of child protection workers, parents and children. *Children and youth services review*, 74: 17–27.

Bekaert S., Paavilainen E., Schecke H., Baldacchino A., Jouet E., Žytka L., Bachi B., Bartoli F., Carrà G., Cioni R.M., Crocamo C., Appleton J.V. (2021) Family members' perspectives of child protection services, a metasynthesis of the literature. *Children and Youth Services Review*, 128: 1–13.

Bekaert S., Richardson B. (2022) A window on the system: a critical analysis of the construction of teenage parents in Serious Case Reviews. In Richardson B. (ed.) *Mothering on the edge: A critical examination of mothering within child protection systems*. Toronto, CA: Demter Press.

Booth T., Booth W. (2005) Parents with learning difficulties in the child protection system: Experiences and perspectives. *Journal of intellectual disabilities*, 9(2): 109–129.

Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2): 77–101.

Buckley H., Carr N., Whelan S. (2011) «Like walking on eggshells»: Service user views and expectations of the child protection system. *Child and Family Social Work*, 16(1): 101–110.

Coakley M. (2013) An appraisal of fathers' perspectives on fatherhood and barriers to their child welfare involvement. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 23(5): 627–639.

Cudjoe E., Abdullah A. (2019) Parental participation in child protection practice: The experiences of parents and workers in Ghana. *Qualitative Social Work*, 18(4): 693–709.

D'Cruz H., Gillingham P. (2014) Improving child protection services: Australian parents' and grandparents' perspectives on what needs to change. *Practice*, 26(4): 239–257.

Dale P. (2004) «Like a fish in a bowl»: Parents' perceptions of child protection services Child Abuse Review. *Journal of the British Association for the Study and Prevention of Child Abuse and Neglect*, 13(2): 137–157.

Darlington Y. et al. (2010) Challenges in implementing participatory practice in child protection: A contingency approach. *Children and Youth Services Review*, 32(7): 1020–1027.

Dumbrill G.C. (2006) Parental experience of child protection intervention: A qualitative study. *Child Abuse & Neglect*, 30(1): 27–37.

Emirbayer M., Mische A. (1998) What is Agency? *American Journal of Sociology*, 103(4): 962–1023.

Estefan F., Coulter M.L., VandeWeerd C.L., Armstrong M., Gorski P. (2012) Receiving mandated therapeutic services: Experiences of parents involved in the child welfare system. *Children and Youth Services Review*, 34(12): 2353–2360.

Featherstone B., Robb M., Ruxton S., Ward M. (2017) «They are just good people... generally good people»: perspectives of young men on relationships with social care workers in the UK. *Children and Society*, 31(5): 331–341.

Fereday J., Muir-Cochrane E. (2006) Demonstrating Rigor Using Thematic Analysis: A Hybrid Approach of Inductive and Deductive Coding and Theme Development. *International Journal of Qualitative Methods*, 5(1): 1–11.

Gaskell C. (2010) If the social worker had called at least it would show they cared. Young care leaver's perspectives on the importance of care. *Children & Society*, 24(2): 136–147.

Gentles-Gibbs N., Zema J. (2020) It's not about them without them: Kinship grandparents' perspectives on family empowerment in public child welfare. *Children and Youth Services Review*, 108: 1–9.

Ghaffar W., Manby M., Race T. (2012) Exploring the experiences of parents and carers whose children have been subject to child protection plans. *British Journal of Social Work*, 42(5): 887–905.

Gladstone J., Dumbrill G., Leslie B., Koster A., Young M., Ismaila A. (2014) Understanding worker–parent engagement in child protection casework. *Children and Youth Services Review*, 44: 56–64.

Gupta A., Blumhardt H. (2016) Giving poverty a voice: Families' experiences of social work practice in a risk-averse child protection system. *Families, Relationships and Societies*, 5(1): 163–172.

Haight W., Sugrue E., Calhoun M., Black J. (2017) "Basically, I look at it like combat": Reflections on moral injury by parents involved with child protection services. *Children and Youth Services Review*, 82: 477–489.

Jobe A., Gorin S. (2013) «If kids don't feel safe they don't do anything»: Young people's views on seeking and receiving help from Children's Social Care Services in England. *Child & Family Social Work*, 18(4): 429–438.

Johnson S.P., Sullivan C.M. (2008) How child protection workers support or further victimize battered mothers. *Affilia*, 23(3): 242–258.

Kemp S.P., Marcenko M.O., Hoagwood K., Vesneski W. (2009) Engaging Parents in Child Welfare Services: Bridging Family Needs and Child Welfare Mandates. *Mental Health Practice Guidelines for Child Welfare: Context for Reform*, 88(1): 101–126.

Lindahl R., Bruhn A. (2017) Foster children's experiences and expectations concerning the child-welfare officer role—Prerequisites and obstacles for close and trustful relationships. *Child & Family Social Work*, 22(4): 1415–1422.

McLeod (2010) «A friend and an equal»: Do young people in care seek the impossible from their social workers? *British Journal of Social Work*, 40(3): 772–788.

McWey L.M., Bolen M., Lehan T., Bojczyk K.E. (2008) I thought I was the adult in this house: Boundary ambiguity for parents involved in the foster care system. *Journal of Social Service Research*, 35(1): 77–91.

Morris K. (2012) Thinking family? The complexities for family engagement in care and protection. *British journal of social work*, 42(5): 906–920.

O'Connor L., Forrester D., Holland S., Williams A. (2014) Perspectives on children's experiences in families with parental substance misuse and child protection interventions. *Children and Youth Services Review*, 38: 66–74.

Parton N. (2014) *The politics of child protection: Contemporary developments and future directions*. Bloomsbury Publishing.

Philip G., Clifton J., Brandon M. (2019) The trouble with fathers: The impact of time and gendered-thinking on working relationships between fathers and social workers in child protection practice in England. *Journal of Family Issues*, 40(16): 2288–2309.

Roose R., Mottart A., Dejonckheere N., van Nijnatten C., de Bie M. (2009) Participatory social work and report writing. *Child and Family Social Work*, 14: 322–330.

Scott A.L., Quick D., Aitken B., Parkinson A. (2018) What does "recovery" from mental illness and addiction mean? Perspectives from child protection social workers and from parents living with mental distress. *Children and Youth Services Review*, 87:95–102.

Smithson R., Gibson M. (2017) Less than human: A qualitative study into the experience of parents involved in the child protection system. *Child & Family Social Work*, 22(2): 565–574.

Storhaug A.S., Øien K. (2012) Fathers' encounters with the child welfare service. *Children and Youth Services Review*, 34(1): 296–303.

Tew J. (2002) *Social theory, power and practice*. Springer.

Tew J. (2006) Understanding power and powerlessness: Towards a framework for emancipatory practice in social work. *Journal of Social Work*, 6(1): 33–51.

Whitfield K., Harwood L. (1999) Good enough partnership 1 Parents' experience of child protection investigations. *Practice*, 11(2): 49–58.

Woolfson R.C., Heffernan E., Paul M., Brown M. (2010) Young people's views of the child protection system in Scotland British. *Journal of Social Work*, 40(7): 2069–2085.

Источники

Арчакова Т.О., Москвичев В.В. (2013) *Профилактика социального сиротства: практические рекомендации для специалистов*. М.: БФ «Волонтеры в помощь детям-сиротам».

Арчакова Т.О., Геласимова А.В., Данилкина Д.Д., Деснянская О.В., Иванова А.В., Курчанова Ю.Р., Сурмило А.Э. (2019а) *Работа со случаем в профилактике социального сиротства: практические инструменты для куратора случая. Опыт БФ «Волонтеры в помощь детям-сиротам»*. М.: БФ «Волонтеры в помощь детям-сиротам».

Арчакова Т.О., Геласимова А.В., Данилкина Д.Д., Деснянская О.В., Иванова А.В., Курчанова Ю.Р., Шихова О.В. (2019б) *Работа со случаем в профилактике социального сиротства: практические инструменты для психолога*. М.: БФ «Волонтеры в помощь детям-сиротам».

Пензова В., Газарян А., Борзов С. (2020) *Технология работы со случаем Методическое руководство для сотрудников благотворительного фонда «Дети наши», осуществляющих деятельность по работе с семьями в трудной жизненной ситуации*. М: БФ «Дети наши».

PARENTAL EVALUATION OF SOCIAL INTERVENTION EFFECTIVENESS IN FAMILIES WITH CHILDREN AT RISK

Roman R. Abramov^{1,2} (rabramov@hse.ru)

Elena E. Rozhdestvenskaya^{1,2} (erozhdestvenskaya@hse.ru)

Alexey A. Sablya¹ (aasablya@hse.ru)

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology RAS (FCTAS RAS), Moscow, Russia

Citation: Abramov R.N., Rozhdestvenskaya E.Yu., Sablya A.A. (2025) Parental evaluation of social intervention effectiveness in families with children at risk. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 182–210 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.7> EDN: EVVWKA

Abstract. Evidence-based social policy has become a prevalent approach to managing social programs, relying heavily on evaluation procedures often intertwined with sociological methods. This article analyzes the implementation of one such evaluation procedure—feedback from recipients of social intervention—within a comprehensive assessment of an interdisciplinary team’s intervention technology addressing child rights violations. Interviews with family members participating in the program were conducted. Findings indicate progress and resocialization within families, demonstrating increased awareness of their problems and engagement in efforts toward social normalization. However, this perspective contrasts with the more optimistic evaluations provided by experts and specialists. While family members acknowledged progress and viewed it as hope for a better future, their confidence in overcoming existing problems was less pronounced. Nevertheless, the study documents demonstrable progress, including a reduction in child abuse cases attributable to the intervention technology. This success is significantly linked to the advanced skills of the specialists implementing the technology and their altered approach to case management. The empathetic and collaborative approach of the caseworkers, coupled with the technology’s components, fostered optimistic expectations among clients, motivating them to change their lives and break cycles of dependence, poverty, and domestic violence. The study, however, also reveals limitations to the technology’s applicability, particularly concerning families with low initial resources and complicating factors such as alcohol and substance abuse. Furthermore, interaction with caseworkers and other specialists fostered the acquisition of new skills, including a familiarity with the language of psychology and social work. This, however, also presents a potential risk of dependency and reliance on continued support. This article contributes to the methodological advancement of evidence-based social policy.

Keywords: parenting, social policy, evaluation, social work.

Acknowledgements

The research was prepared with the support of the Russian Science Foundation (Grant no. 2228-20490 “Family on the edge: the limits and possibilities of socio-technological intervention in the prevention of social orphanhood”).